

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

УДК 82-312.6

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-9-13

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ В ТЕКСТАХ НОН-ФИКШН

В. Д. Черняк, М. А. Черняк

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

На материале книг «Москва: место встречи» и «В Питере жить» (2017 г.) проанализирована важная современная издательская стратегия – коллективные сборники, объединенные одной темой и знакомящие читателя с широким кругом современных авторов. Тема города в сборниках выступает текстовой доминантой, становится базой формирования городского текста нон-фикшн с максимальной актуализацией личностного начала, что подчеркивается частотностью местоимений *я, мы, мой, моя*, особым местом актуальных для каждого автора топонимов. Особый взгляд автора на город позволяет рассматривать текст как личный документ с особой актуализацией в нем концепта «память». Значимость автобиографической составляющей, характерная для современного художественного дискурса и особенно для текстов нон-фикшн, обнаруживается на всех уровнях текста. Проведенный анализ позволяет рассматривать тексты двух сборников как тематически связанные сверхтексты нон-фикшн, демонстрирующие различное восприятие Москвы и Петербурга в культурном пространстве. Современная литература, в том числе литература нон-фикшн, убеждает в актуальности основных мотивов петербургского текста, обогащаемого все новыми мифами.

Ключевые слова: современная литература, петербургский текст, московский текст, литературный сборник, нон-фикшн, тема города, концепт «память».

Репрезентация пространства является одной из наиболее значимых тем в современной литературе. К «топофилической прозе» [1, с. 140] относятся не только так называемые «романы места», но и многие популярные сегодня произведения нон-фикшн. Феномен пространства в его географической и исторической конкретности активно обсуждается в гуманитарной науке, в том числе в лингвистике и литературоведении.

Одной из заметных тенденций современных издательских стратегий становятся так называемые коллективные сборники, объединенные одной темой, одним сюжетом, знакомящие читателя с широким кругом современных авторов и способствующие навигации в современном литературном процессе. «Модусный план художественного текста образуется иерархией „функционирующих“ в нем сознаний. <...> Определяет, аранжирует композиционные блоки не только каждый отдельный текст, но и текст сборника в целом» [2, с. 261–262]. К таким коллективным сборникам рассказов, своеобразно интерпретирующим современное городское пространство двух столиц, можно отнести антологии рассказов «Москва Нуар» [3] и «Петербург-Нуар» [4].

Появление в 2017 г. в Издательстве Елены Шубиной двух коллективных сборников «Москва: место встречи: городская проза» [5] и «В Питере

жить: от Дворцовой до Садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории» [6] дает богатый материал для размышлений над новыми гранями «топофилической прозы», а также над меняющимися очертаниями петербургского и московского текстов. Необходимо отметить, что если термин «петербургский текст», введенный В. Н. Топоровым [7], является общепризнанным, то понятие «московский текст» используется со значительной долей условности. Как замечает К. Г. Исупов, «Петербург в своей внешней предметной выразительности оказывается (в глазах воспринимающего) еще и изображением, „картинкой“, т. е. приобретает вид художественного текста или живого организма с чертами самосознания („души“). Двойная знаковая фактура Петербурга (когда город оказывается знаком самого себя) решительно противопоставит „естественному“ языку Москвы, не порожающему знаков второго порядка» [8, с. 18].

Названия двух сборников («Москва: место встречи» и «В Питере жить») подчеркнута прозаичны. Особенно показательно использование топонима «Питер», привычного в обиходной речи (Е. Колина пишет: «Мы же с Питером “на ты”» [6, с. 98]). Значимость автобиографической составляющей, характерная для современного художественного дискурса [9, с. 12] и особенно для текстов нон-фикшн, обнаруживается уже при обращении к

оглавлениям сборников, в которых представлены очерки, эссе, воспоминания известных писателей, критиков, журналистов, художников, артистов, режиссеров, издателей. «Блуждание по городу» оказывается способом постижения не только города, но и самого себя; пешеход, фланер, погруженный в прогулку по городу, вступает с ним в эмоциональный диалог [10, с. 201; 11, с. 152–160]. Однако, как пишет А. Минкин, «гораздо интереснее писать путеводитель не в пространстве, а во времени» [5, с. 336]. Прогулки по Москве и Петербургу в пространстве, но прежде всего во времени, составляют неповторимое своеобразие каждого из текстов сборника.

Прозрачность или, по крайней мере, истончение границ «литературности» становятся в современной литературной практике почти привычными. Чрезвычайно значимым оказывается подзаголовок сборника «В Питере жить» – «*личные истории*». Он в полной мере может быть отнесен к обеим книгам, актуализируя важнейшее для прозы нон-фикшн личностное начало. Как пишет М. Рубинс, «за долгие века „парижский текст“ эволюционировал от вербальных репрезентаций постоянно меняющегося городского пространства к фиксации субъективных состояний, спроецированных на внешнюю среду. Поэтому <...> город нужно в первую очередь рассматривать сквозь призму воспринимающего его сознания» [12, с. 69]. Это положение в полной мере справедливо и по отношению к «петербургскому» и «московскому» текстам, представленным в современном дискурсе. По словам П. Крусанова, «пока пространство не напитается яркими жизнями, жертвенными смертями, талантами и мечтами его насельников, оно не оживет, не одухотворится, останется просто камнем, перекрестком, улицей – предметом без всякой метафизики и внутреннего огня, ветшающим без грусти и умирающим раз и навсегда, как случайная чепуха, как вещь без эйдоса» [6, с. 449].

Показательны названия текстов, вошедших в сборники: Т. Толстая «Чужие сны», Б. Гребенщиков «Поиски Петербурга», Н. Елисеев «Разорванный портрет», Е. Колина «Это Питер, детка», Е. Водолазкин «Ждановская набережная между литературой и жизнью», Т. Москвина «На Васильевский остров я пришла...» («В Питере жить»); Л. Улицкая «Моя Москва: сороковые-шестидесятые», Е. Бунимович «Неглинка: фрагменты одной жизни и одной реки», А. Дергилова «Я пишу портреты домов... Солянка», В. Долина «В начале была Сретенка» («Москва: место встречи»). Бросающаяся в глаза частотность местоимений *я, мы, мой, моя* в обоих сборниках связана с подчеркнуто личным взглядом каждого из авторов, позволяющим рассматривать каждый текст как личный документ.

Особое место в текстах сборников принадлежит топонимам. «Вся биография, вся судьба – в топонимике» [5, с. 329]. Выразителен перечень топонимов, извлеченный лишь из названий текстов: Миуссы, Сандуны, Рождественка, Тверские-Ямские, Большой Гнездниковский, Пушкинская, Малая Никитская, Замоскворечье, Трубниковский, Знаменка, Ольховка, Новый Арбат, Пречистенка, Остоженка, Мясницкая, Таганка, Солянка, Садовая, Сретенка, Ходынка, Тушино, Автозаводская, Ленгоры («Москва: место встречи»); Ждановская набережная, Большая Московская, Васильевский остров, Пантелеймоновская улица, Гангутская, Чайковская, Ржевка, проспект Стачек, Лесной («В Питере жить»). Этот перечень, с одной стороны, указывает на своеобразие «литературы факта», а с другой – подчеркивает различие двух городов, обнаруживаемое даже в названиях: московские топонимы фиксируют прежде всего обыденное восприятие городского пространства. Изменение топонимики города (особенно это относится к Москве) затрагивает и ментальную, и эмоциональную сферу личности, ее культурную память: «Но настоящая жемчужина Останкина – это, конечно, ВДНХ. Пускай переименовывают мою ВДНХ в ВВЦ, меня эти их игры не касаются: я так и буду говорить ВДНХ. И не „мою ВДНХ“ даже, а „мое“, потому что ВДНХ – это не аббревиатура никакая, а имя собственное. Тетраграмматон. И средний род к этому месту подходит великолепно» (Д. Глуховский) [5, с. 396]; «Улицы Качалова, Герцена, Воровского, Щусева, Жолтовского, Алексея Толстого, Наташи Качуевской, Горького... Из всего этого многообразия названий теперь, увы, ничего не осталось. Даже площади Восстания и Маяковского переименовали. Хорошо это или плохо – я не знаю. По моим ощущениям – плохо, поскольку я вырос в тех, советских названиях, и когда с домов сдирали таблички, было чувство, что уничтожают мое детство. С другой стороны, хорошо, что улицам вернули их исторические названия» (И. Цыбин) [5, с. 157]; «Потемкинская, Таврическая, Шпалерная, Кирочная – какие чудесные названия у улиц, окаймляющих Таврический сад!» (А. Кушнер) [6, с. 321].

По словам С. Ромашко, «ориентация в городе предполагает анализ ситуации, опознание лиц, прочтение следов, прогноз развития. Житель города то и дело невольно выступает в роли следопыта и детектива, восстанавливающего происшедшее в том месте, куда он попал» [13, с. 104]. Ключевым для обоих сборников оказывается концепт «память»: «Память вообще очень эффективный генератор исторических событий» (В. Березин) [5, с. 105].

Баракы, дровяные склады, проходные дворы, деревянные заборы, рынки, коммунальные квартиры, наполненные предметами, хранящимися толь-

ко в памяти: «Тут есть что-то от града Китежа, иду по улицам и переулкам, ощущая таинственный второй и третий пласт, как будто сейчас проступят, проявятся, возвратятся отсутствующие здания, сады, люди», – пишет С. Шаргунов [5, с. 201]. Особое место в текстах обоих сборников принадлежит московским и ленинградским дворам как «пространству первичной социализации» [14]. Ср. названия текстов: Е. Чиждова «Дворовые уроки истории», А. Битов «Странноприимный двор», Т. Мэй «Через Атлантиду – дворами» [6].

Таким образом, были отмечены черты, объединяющие два сборника как тематически связанные сверхтексты нон-фикшн, однако не вызывает сомнения и их различие, обусловленное различным восприятием Москвы и Петербурга в культурном пространстве. По словам В. Н. Топорова, «Москва, московское пространство (тело), противопоставляется Петербургу и его пространству как нечто органичное, естественное, почти природное (отсюда обилие растительных метафор в описаниях Москвы), возникшее само собой, без чьей-либо воли, плана, вмешательства, – неорганичному, искусственному, сугубо „культурному“, вызванному к жизни некоей насильственной волей в соответствии с предумышленной схемой, планом, правилом. Отсюда – особая конкретность и заземленная реальность Москвы в отличие от отвлеченности, нарочитости, фантомности „вымышленного“ Петербурга» [7, с. 323–324]. Приземленность, бытовленность текстов сборника «Москва: место встречи» очевидны. Вспоминая свои детство и юность, авторы так или иначе касаются очень важного феномена советскости [15]. При этом образ советского прошлого создается не столько в общем культурно-историческом смысле, сколько в значимых деталях.

Примечательно, что, казалось бы, актуальный для представления Москвы концепты «столица», «столичный город» в московском сборнике почти не представлены. Столичность, державность актуализируются в сопоставлении с Петербургом. Так, Л. Улицкая пишет: «Москва исчезала на моих глазах, и тот город, который образовался в результате строительства и разрушений, мне не очень нравится. Совсем даже не нравится. Он утратил свой разляпистый, хаотичный и мягкий облик, обаяние,

складывающееся из соединения слобод, бывших деревень и усадеб, утратил свою кривоколенность и приватность, а до столичного города не дотянул по отсутствию городской культуры. Теперь скажем хором: А Большой театр? А Румянцевская библиотека? А Консерватория? С большой натугой – Английский клуб... Не так уж много для столицы. Не Петербург» [5, с. 13]. Дм. Быков продолжает эту мысль: «Москва-река, в отличие от державной Невы, мелка, тепла, грязна и ничуть не державна. Я думаю, Питер вообще больше похож на столицу – даже в своем нынешнем, потерто-провинциальном виде: вид с Дворцового моста на Неву, сама невяская перспектива, да хоть бы и любой местный парк, пусть не Летний сад, пусть Елагин, – гораздо более масштабное и торжественное зрелище. Москва – не столица...» [5, с. 504]. Если в сборнике «Москва: место встречи» город «бытовизируется», то «В Питере жить», напротив, мифологизируется, что подчеркивается открывающим сборник эссе Т. Толстой «Чужие сны»: «...Все, кто писал о Петербурге, – Пушкин, Гоголь, Достоевский, Белый, Блок – развесили свои сны по всему городу как тонкую морозящую паутину, сетчатые дождевые покрывала» [6, с. 12]. Вопреки утверждению В. Н. Топорова, который писал, что петербургский текст, прочно связанный с петербургским мифом, завершился [7], современная литература, в том числе литература нон-фикшн, убеждает в актуальности основных мотивов петербургского текста, обогащаемого все новыми мифами. Рассмотрение сверхтекста двух новых сборников убеждает в справедливости слов С. Ромашко: «...Всякий настоящий город – это еще и особая хронологическая конструкция, это ось, пронизывающая вращение времен, утверждающая город как бытие особого рода. На эту ось и наматывается пространственная структура, которую можно читать, словно годовые кольца на распиленном древесном стволе. Устойчивость города во времени не только позволяет выстроить его особую топографию – благодаря ей и складывается городская среда, то самое с трудом поддающееся описанию, но вполне ощутимое настроение, которое присуще тому или иному городу, его атмосфера, его характер» [13, с. 97].

Список литературы

1. Соболев Д. М. «Топофилия»: Культурная география как жанр современной художественной прозы // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 136–155.
2. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 2000. 416 с.
3. Москва Нуар: город исковерканных утопий. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
4. Петербург-Нуар. СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. 305 с.
5. Москва: место встречи: городская проза / сост. Е. Шубина, А. Шлыкова. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 309 с.
6. В Питере жить: от Дворцовой до садовой, от Гангутской до Шпалерной. Личные истории / сост. Н. Соколовская, Е. Шубина. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 524 с.

7. Топоров В. Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы // Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.
8. Исупов К. Г. Диалог столиц в историческом движении // Москва – Петербург: pro et contra (диалог культур в истории национального самосознания). СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2000. С. 7–71.
9. Harris J. G. Diversity of Discourse: Autobiographical Statements in Theory and Praxis // Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature / Ed. by J. G. Harris. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990. P. 257.
10. Серто де М. Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 313 с.
11. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М.: Языки славянской культуры, 2015. 240 с.
12. Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 329 с.
13. Ромашко С. Монумент – сувенир – улика: временная ось мегаполиса // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4. С. 97–108.
14. Барковская Н. Двор как пространство первичной социализации в современной русской популярной литературе // Топография популярной культуры: сб. ст. / Ред.-сост. А. Розенхольм, И. Савкина. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 181–195.
15. Maddox S. M. Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950. Bloomington: Indiana University Press, 2014. XII, 284 p.

Черняк Валентина Данииловна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186). E-mail: vdcher@yandex.ru

Черняк Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186). E-mail: ma-cher@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25.12.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-9-13

MOSCOW AND PETERSBURG IN THE TEXTS OF NON-FICTION

V. D. Chernyak, M. A. Chernyak

Herzen University, Saint-Petersburg, Russian Federation

The article investigates an important modern publishing strategy – a literary collection of stories concentrated on one theme and introducing the reader to a wide range of contemporary writers. The theme of the city is a text dominant in two analyzed books («Moscow: the meeting place» (2017) and «To live in Saint-Petersburg» (2017). It becomes the basis of forming the text of urban non-fiction with highest possible personal identity, which is expressed by frequent use of personal pronouns I, we, my and various toponyms significant to this or that author. The writer's unique perception of the city allows to consider the text as a personal document which especially actualises the concept «memory». The importance of the autobiographical component typical for modern literary discourse and especially for non-fiction texts is seen on each text level. The conducted analysis leads to the conclusion that the texts of the two books can be viewed as thematically related non-fiction super-texts which demonstrate different perception of Moscow and Saint-Petersburg in the cultural space. Modern literature, including non-fiction, shows the importance of the main motifs of Saint-Petersburg texts which are enriched with more and more myths.

Key words: *modern literature, non-fiction, Petersburg text of Russian literature, Moscow text, a literary collection, the theme of the city, the concept of «memory»*

References

1. Sobolev D. M. «Топофилия»: Kul'turnaya geografiya kak zhanr sovremennoy khudozhestvennoy prozy [Topophilia: Cultural Geography as a Genre of Contemporary Artistic Prose]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*, 2011, no. 4(5), pp. 136–155 (in Russian).
2. Sidorova M. Yu. *Grammatika khudozhestvennogo teksta* [Grammar of fiction text]. Moscow, MSU Publ., 2000. 416 p. (in Russian).
3. *Moskva Nuar: gorod iskoverkannykh utopiy* [Moscow Nuar: a city of warped utopias]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 384 p. (in Russian).
4. *Peterburg-Nuar* [Petersburg-Nuar]. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2012. 305 p. (in Russian).
5. Shubina E., Shlykova A. *Moskva: mesto vstrechi: gorodskaya proza* [Moscow: meeting place: urban prose]. Moscow, AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy Publ., 2017. 309 p. (in Russian).
6. Sokolovskaya N., Shubina E. *V Pitere zhit': ot Dvortsovoy do Sadovoy, ot Gangutskoy do Shpalernoy. Lichnye istorii* [To live in St. Petersburg: from Dvortsovaya to Sadovaya, from Gangutskaya to Shpalernay. Personal stories]. Moscow, AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy Publ., 2017. 524 p. (in Russian).

7. Toporov V. N. Peterburg i Peterburgskiy tekst russkoy literatury [Petersburg and the Petersburg text of Russian literature]. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz* [Myth. Ritual. Symbol. Image]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1995. Pp. 259–367 (in Russian).
8. Isupov K. G. Dialog stolits v istoricheskom dvizhenii [Dialogue of the capitals in historical movement]. *Moskva – Peterburg: pro et contra (dialog kul'tur v istorii natsional'nogo samosoznaniya)* [Moscow-Petersburg: pro et contra (dialogue of cultures in the history of national self identity)]. Saint Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya Publ., 2000. Pp. 7–71 (in Russian).
9. Harris J. G. Diversity of Discourse: Autobiographical Statements in Theory and Praxis. *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*. Ed. by J.G.Harris. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990. P. 257.
10. Serto de M. *Izobreteniyе povsednevnosti. Iskusstvo delat'* [The invention of everyday life. The art of doing]. Saint Petersburg, European University at Saint Petersburg Publ., 2013. 313 p. (in Russian).
11. Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T. A. *Yazyk gorodskogo prostranstva: slovar', karta, tekst* [Language of urban space: dictionary, map, text]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015. 240 p. (in Russian).
12. Rubins M. *Russkiy Montparnass: Parizhskaya proza 1920-1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [Russian Montparnasse: The Parisian prose of the 1920s–1930s in the context of transnational modernism]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2017. 329 p. (in Russian).
13. Romashko S. Monument – souvenir – ulika: vremennaya os' megapolisa [Monument - souvenir - evidence: the temporary axis of the metropolis]. *Logos: Zhurnal po filosofii i pragmatike kul'tury*, 2002, no. 3-4, pp. 97–108 (in Russian).
14. Barkovskaya N. Dvor kak prostranstvo pervichnoy sotsializatsii v sovremennoy russkoy populyarnoy literature [Yard as the space of primary socialization in contemporary Russian popular literature]. *Topografiya populyarnoy kul'tury: sbornik statey*. Red.-sost. A. Rozenkhol'm, I. Savkina [Topography of popular culture: collection of articles. Ed.-Comp. A. Rosenholm, I. Savkina]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2015, pp. 181–195 (in Russian).
15. Maddox S. M. *Saving Stalin's Imperial City: Historic Preservation in Leningrad, 1930–1950*. Bloomington: Indiana University Press, 2014. XII, 284 p.

Chernyak V. D., Herzen State Pedagogical University of Russia (Naberezhnaya reki Moyki, 48, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186). E-mail: vdcher@yandex.ru

Chernyak M. A., Herzen State Pedagogical University of Russia (Naberezhnaya reki Moyki, 48, Saint Petersburg, Russian Federation, 191186). E-mail: ma-cher@yandex.ru